

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТИПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Под редакцией проф. *Л. П. Громовой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 070
ББК 76.01
Т43

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *Е. И. Орлова* (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова);
д-р полит. наук, проф. *С. Г. Корконосенко* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Авторский коллектив:

д-р филол. наук, проф. *Л. П. Громова* (введение; ч. 1, гл. 2); д-р филол. наук, проф. *Е. В. Ахмадулин* (ч. 1, гл. 1); канд. филол. наук, доц. *О. С. Кругликова* (ч. 1, гл. 3); д-р филол. наук, проф. *О. И. Лепилкина* (ч. 1, гл. 4); д-р филол. наук, проф. *А. Ш. Бик-Булатов* (ч. 1, гл. 5); д-р филол. наук, проф. *Г. В. Жирков* (ч. 2, гл. 1); канд. ист. наук, доц. *С. Н. Ущиповский* (ч. 2, гл. 2); д-р ист. наук, проф. *А. Н. Кашиеваров* (ч. 2, гл. 3); канд. филол. наук, доц. *К. В. Силантьев* (ч. 2, гл. 4); канд. филол. наук, доц. *К. А. Алексеев* (ч. 2, гл. 5); д-р филол. наук, проф. *Ю. Б. Балашова* (ч. 2, гл. 6); канд. ист. наук, доц. *Д. А. Бадалян* (ч. 3, гл. 1); канд. филол. наук, ст. преп. *В. В. Битюцкая* (ч. 3, гл. 2); канд. филол. наук, доц. *Н. Д. Мельник* (ч. 3, гл. 3); канд. филол. наук, доц. *Е. С. Сониная* (ч. 3, гл. 4)

Рекомендовано к публикации

*Научной комиссией в области СМИ и массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета*

**Типология журналистики в России: опыт формирования
и трансформации** / отв. ред. Л. П. Громова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.
ун-та, 2025. — 386 с.
ISBN 978-5-288-

Авторы коллективной монографии обращаются к проблеме типологической трансформации журналистики, рассматривают особенности типологического развития журналистики в контексте эволюции общественной коммуникации, изучают ее предметные области. Исследователи показывают, что эволюция типов, детерминированная характером эпохи, отражалась в наиболее созвучных времени и востребованных аудиторией типах изданий, что процесс типологического обоснования закономерностей развития журналистики обусловливается социально-экономическими, идеологическими, литературными, эстетическими и другими факторами и историческая реконструкция теоретических знаний о печати позволяет объяснить закономерности развития различных типов изданий и в целом развивающейся системы, какой является журналистика.

Книга предназначена для исследователей истории, теории и практики журналистики, а также для широкого круга специалистов социально-гуманитарного профиля.

УДК 070

ББК 76.01

Издание осуществлено при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета в рамках Конкурса монографий — 2024

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2025

ISBN 978-5-288-

Часть 3

Предметные области типологического развития

Глава 1. Официальные и официозные издания в борьбе элит в России XIX века

Общественно-политическая борьба в России XIX в. многие десятилетия трактовалась именно как противостояние власти и общества. Причем под последним понимался его узкий интеллигентский слой, который в этой коллизии в глазах ученых по умолчанию обладал своего рода презумпцией невиновности. Такой подход был заложен еще А. И. Герценом и поддержан социалистами и либералами вроде А. М. Скабичевского, А. Н. Пыпина, М. К. Лемке.

Между тем XIX век стал временем коренного перелома в сознании русского общества. Именно тогда в нем начали формироваться представления о нации, национальной культуре, национальных интересах, то есть стало развиваться то, что позднее назовут национальным сознанием, а весь этот процесс в целом сегодня именуют нациестроительством¹. Начало его в нашей стране обычно связывают с 1830–1840-ми годами, с распространением идей эпохи романтизма, когда в публичной сфере возникают споры о «народности», о России и ее историческом своеобразии, ее отношениях с европейскими странами и месте в мире. Новые идеи постепенно вытесняли представления прошлой эпохи, эпохи Просвещения, с характерным для нее космополитическим сознанием.

Примечательно, что борьба этих идей в искусстве и в литературе XIX в. давно признана и исследуется, а противоборство представлений двух разных эпох в общественно-политической сфере мы зачастую и не ожидаем увидеть. То же самое относится и к журналистике как отражению общественно-политической сферы. И потому здесь будет представлен обзор хотя бы некоторых этапов и эпизодов

¹ См. об этом: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. Здесь же см. библиографию по теме (с. 290–310).

журнальных столкновений, в которых отразились конфликты национально ориентированных и космополитических сил, составлявших окружение российского императора. Многие из них использовали как инструмент борьбы периодические издания. В первую очередь официальные, издававшиеся на средства государственных учреждений и являвшиеся их органами. Однако нередко в этой борьбе принимали участие частные газеты и журналы, действовавшие в интересах тех или иных правительственных или придворных группировок. Такие издания, вступившее в негласную сделку с государственным учреждением или деятелем и в силу этого проводящие на своих страницах точку зрения данного учреждения или лица, традиционно именуются официозами.

При этом, как отмечала В. Г. Чернуха, «выяснение официозности издания — вопрос очень сложный». Она поясняла:

Проще всего было бы отнести к официозам издания, пользовавшиеся денежной поддержкой министерств. Однако, во-первых, казенная помощь издательству может иметь много других форм, ставящих газету или журнал в льготные условия... Во-вторых, денежная поддержка может оказываться и изданию, существование которого по какой-либо причине признается в данный момент полезным, но с которым правительство не связывает намерений по использованию его в качестве собственного рупора².

Подчеркнем, что официозные издания, как правило, выполняли заказ отдельного ведомства, лица, а не правительства в целом. Потому что единого правительства или кабинета министров в России не было вплоть до 1905 г. (когда первым премьер-министром стал граф С. Ю. Витте).

Потребность в подобных изданиях у власти возникла еще прежде, чем среди элит можно было заметить разделение на «патриотов» и «космополитов». К примеру, О. П. Козодавлев, став еще только управляющим Министерством внутренних дел в ноябре 1809 г., создал «Северную почту, или Новую Санкт-Петербургскую газету». Она в течение десяти лет являлась органом этого учреждения и прекратила свое существование вскоре после смерти министра, который прежде выступал одним из основных ее авторов. Тем не менее

² Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 99–100.

Козодавлев, имевший представление о зарубежной журналистике и в 1783–1784 гг. являвшийся редактором журнала «Собеседник любителей русского слова», хорошо понимал, что для влияния на весь спектр читательской аудитории необходимо использовать возможности не только официальной, но и частной прессы. Поэтому в 1814 г. он предложил издателю рижской газеты «Der Zuschauer» Г. Г. Меркелю публиковать отчеты Российского библейского общества (и в течение года эти отчеты ему высылались, но, по словам издателя, он их не печатал³). Другой журналист, Н. И. Греч, пользовался особым расположением министра и потому относился к его просьбам с куда бóльшим почтением. Так, в декабре 1818 г. по предложению Козодавлева он напечатал в своем «Сыне отечества» перевод рецензии из парижского журнала «Archives philosophiques, politiques et littéraires» на книгу И. Х. Гамеля о ланкастерском обучении⁴.

Самым большим энтузиастом Библейского общества и ланкастерских школ в ту космополитическую эпоху являлся князь А. Н. Голицын, с 1817 г. служивший министром духовных дел и народного просвещения. В силу того, что цензурные органы находились именно в его подчинении, у него были самые широкие возможности для влияния на прессу. Покровительством его в 1820-е годы пользовались Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев. Последний сочинил эпиграмму, которая увидела свет в декабре 1820 г. в журнале «Невский зритель»:

Не диво, что Вралеv так много пишет вздору,
Когда он хочет быть *Плутархом* в нашу пору⁵.

³ История моих лифляндских периодических изданий: очерк воспоминаний Гарлиба Меркеля / пер. Г. А. Фафурина, вступ. ст., публ. и коммент. Д. А. Бадаляна и Г. А. Фафурина // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 10, ч. 2: публикации, обзоры, рецензии / сост. и науч. ред. М. Б. Конашев. СПб., 2021. С. 337.

⁴ Бадалян Д. А. Н. И. Греч — журналист и издатель в системе патрон-клиентских отношений // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. Т. 226: Наука о книге: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием «XXII Смирдинские чтения», 21–22 апреля 2022 г., Санкт-Петербург. С. 46, 51.

⁵ Рылеев К. Ф. Стихотворения; статьи; очерки; докладные записки; письма / ред., подгот. текста и примеч. Ю. Г. Оксмана; вступ. ст. В. Г. Базанова. М., 1956. С. 240. Курсив в источнике.

Так «поэт-гражданин» отзывался о Н. М. Карамзине и его исторических трудах. Сделано это было именно в угоду Голицыну, недругу русского историографа. Однако гораздо бóльшую услугу министру Рылеев оказал публикацией в том же номере журнала своей сатиры «К временщику», как известно, направленной против графа А. А. Аракчеева, начальника Отдельного корпуса военных поселений. По мнению А. Г. Готовцевой и О. И. Киянской, поэт и издатели журнала «исполняли политический заказ, исходивший непосредственно от Голицына»⁶. Именно поэтому столь оскорбительная для влиятельной политической персоны выходка не была остановлена цензурой и не вызвала никаких последствий для автора и издателей журнала. Голицын же, благодаря распространению сатиры Рылеева, нанес пусть и временный, но все же ущерб репутации единственного равного ему по положению противника.

Впрочем, менее чем через три года Аракчееву и его союзникам удалось убедить Александра I отказаться от курса на распространение духа интерконфессионального мистицизма, который прежде с одобрения самого императора взял министр. Однако при этом всесильный граф обошелся без помощи печати. Наоборот, он сумел показать, что Голицын употребляет ее во зло, содействуя столь вредным изданиям, как перевод книги И. Е. Госснера «Дух жизни и учения Иисус Христов в Новом Завете», напечатанной в типографии Греча. Автор ее — известный немецкий проповедник — с 1820 г. жил в России, занимая должность директора Российского библейского общества, а президентом этого общества являлся Голицын.

Были ли журналисты, которые поддерживали Аракчеева? Сегодня мы можем назвать только одного — П. П. Свинына, издателя журнала «Отечественные записки»⁷. Поэтому в 1823 г. против него была развернута травля, начатая Булгариным в редактируемых им «Литературных листках» и подхваченная несколькими изданиями, включая журнал А. Е. Измайлова «Благонамеренный»⁸. По воспоминаниям С. Н. Глинки, граф М. А. Милорадович (который, как отме-

⁶ Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. М., 2013. С. 123.

⁷ Проскурин О. А. Первые «Отечественные записки», или О лжи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 270–278; *Лыцинская Д. П.* Журнал «Отечественные записки» П. П. Свинына в политическом контексте 1820-х гг. // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 13 (93). С. 66–72.

⁸ Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. С. 172–173.

тил мемуарист, «раболепствовал перед Аракчеевым»), готовясь принять должность столичного генерал-губернатора, заявил о намерении вступить в борьбу с Голицыным, но не исполнил его. Позднее, в феврале и августе 1825 г., он, если верить Глинке, дважды пытался использовать его перо в своих целях (второй раз — против Булгарина и Греча). Однако Глинка сумел уклониться от этого⁹.

Можно ли считать, что в борьбе с Голицыным Аракчеев руководствовался национальными интересами, а не одними властными амбициями? В 1812 г. в ответ на рассуждения о том, что в интересах отечества Александру I необходимо покинуть действующую армию, он заявил: «Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь при армии»¹⁰. Тем самым он проявил мировоззрение, вполне свойственное человеку эпохи Просвещения. Ведь и иностранцы, или остзейские немцы, верно служили, но не России, а российскому императору, как и их предки — своему сюзерену.

Изменилось ли что-либо в мировоззрении Аракчеева за минувшее с 1812 г. время, остается вопросом для исследования. Пока мы лишь можем констатировать: в 1823 г., путем интриг избавившись от своего противника князя П. М. Волконского и его союзников, Аракчеев продвинул на их должности лояльных ему ставленников придворной «немецкой партии». Тогда начальником Главного штаба вместо Волконского стал граф И. И. Дибич, министром внутренних дел — Б. Б. фон Компенгаузен, министром финансов — граф Е. Ф. Канкрин, а место министра иностранных дел сумел сохранить за собой граф К. В. Нессельроде (зять противника Аракчеева, графа Д. А. Гурьева)¹¹.

Как обстояли дела у других покровительствуемых Голицыным журналистов? Первым русским изданием Булгарина являлся «Северный архив», который он выпускал с начала 1822 г. Уже к тому моменту он приобрел надежные связи в Министерстве духовных дел и народного просвещения, а спустя год стал обсуждать план слияния своего издания и «Журнала Департамента народного просвещения». И министр поддержал, но не успел осуществить проект обновленного журнала, который по-прежнему должен был назы-

⁹ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 395, 398, 400–404.

¹⁰ Комаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 385.

¹¹ Киянская О. И. Империя упущенных возможностей. К истории общественных настроений в России конца 1810 — начала 1820-х годов // Россия и современный мир. 2020. № 2 (107). С. 38.

ваться «Северный архив» и являться собственностью Булгарина. «Естественно, — подчеркивают Готовцева и Киянская, — пока шли переговоры, Булгарин был не просто лояльным, а суперлояльным к Голицыну журналистом»¹². Пример тому — заказанная им польскому историку (а в будущем революционеру) И. Лелевелю критика «Истории государства российского» Карамзина¹³.

Добавим также, что «Полярная звезда», самый известный альманах пушкинской эпохи, который издавал Бестужев при участии Рылеева, имел своего рода неофициального куратора — А. И. Тургенева, служившего директором Департамента духовных дел в министерстве Голицына. Через него, как полагают Готовцева и Киянская, альманаху оказывалась «информационная и цензурная поддержка»¹⁴. И с этим связан скрытый намек П. А. Вяземского, который по поводу «Полярной звезды на 1824 год» писал Бестужеву: если «малому числу избранных» не поддерживать «достоинство писателя», то литература «сделается какою-то казенною службою, полицейским штатом или и того хуже — каким-то отделением Министерства просвещения»¹⁵. Однако Готовцева и Киянская считают, что, создавая этот альманах, будущий декабрист Бестужев ставил перед собой (и блестяще решил) задачу, противоположную взглядам Вяземского: «Из разрозненных писательских группировок, разделенных и эстетическими, и политическими пристрастиями, а зачастую и личной враждой, предстояло создать единое литературное пространство и — шире — культурное поле, подконтрольное министерству просвещения»¹⁶.

В результате деятельности Аракчеева и его союзников Голицын 15 мая 1824 г. вышел в отставку. И в тот же день министром народного просвещения стал А. С. Шишков. За этим назначением последовала не только реорганизация министерства, из которого был выведен Департамент духовных дел, но радикальная смена курса. Деятельность Библейского общества была ограничена, а позднее и вовсе прекращена. Разработан и в июне 1826 г. вступил в действие новый

¹² Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. С. 149.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 182.

¹⁵ К литературной и общественной истории. 1820–1830 годов / сообщ. В. Е. Якушкин // Русская старина. 1888. Т. 60, кн. 11. С. 324; Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. С. 182.

¹⁶ Там же. С. 191.

цензурный устав, запрещавший сочинения, противные христианской вере и «правилам христианской нравственности», содержащие взаимное порицание христианских исповеданий, а также учения «тайных обществ, обнаруживающиеся обыкновенно эмблемами и преданиями» (под таковыми в первую очередь подразумевались масонские ложи, запрещенные в 1822 г.). В сфере образования Шишков впервые стал внедрять представления о национальной культуре.

Как отреагировали на эти изменения журналисты?

В мае 1824 г., сразу после смены министра, Булгарин обратился к Шишкову с прошением об объединении журналов «Северный архив» и «Сын отечества». Прошение его удовлетворили, но не сразу. Для этого Булгарину пришлось отправиться «инстанцией выше»: в августе того же года он ездил к Аракчееву в его усадьбу Грузино. И уже весной 1825 г. Измайлов рассказывал в одном из писем: «Булгарин и Греч помирились со Свиным. Видели многие, как первый с последним прогуливались под ручку по тротуару. И как же не помириться? Свиный в милости теперь у мин<истра> просв<ещения>»¹⁷. Как отмечают Готовцева и Киянская, «Булгаринские издания в 1825 г. стали активно поддерживать и самого Свинына, и его «Отечественные записки»»¹⁸.

В середине 1824 г. протеже Свинына, Н. А. Полевой, направил Шишкову прошение об издании «нового повременного сочинения». В первом же абзаце программы задуманного им журнала «Московский телеграф» будущий издатель вставил цитату о просвещении и связи его с «полезными знаниями и науками» из выступления Шишкова в «Беседе любителей русского слова». Далее же он заявил целью журнала «упражнения умственные», утверждающие «веру в Бога, любовь к отечеству, верность к избранному Богом монарху нашему». Все это вместе с «просвещением народным», о котором несколькими строками выше рассуждал Полевой, выглядит сегодня как черновой эскиз будущей знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность»¹⁹, а в описании задуманного журнала

¹⁷ Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин: исследования и материалы / редкол.: Н. В. Измайлов (отв. ред.) и др. Т. 8. М.; Л., 1978. С. 172–173.

¹⁸ Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. С. 174.

¹⁹ Сухомлинов Н. А. Полевой и его журнал «Московский телеграф» // Сухомлинов Н. А. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. Т. 2. СПб., 1899. С. 372.

его издатель не скупился на упоминания России и русских в разных сочетаниях: «сердцу русскому», «русских памятников», «ученых обществ русских» и т.д.²⁰ Идея «Московского телеграфа» была поддержана перед Шишковым графом Н. С. Мордвиновым, уверявшим его, что Полевой — выходец из народа, коренной русский человек²¹.

Шишков, который и прежде имел немало высокопоставленных противников, на министерском поприще нажил себе еще больше врагов. Уже в 1827 г. по распоряжению нового императора начала работу комиссия по пересмотру устава о цензуре. Составляли ее А. Х. Бенкендорф, И. В. Васильчиков, Д. В. Дашков, В. С. Ланской, К. В. Нессельроде и С. С. Уваров, а в числе чиновников, участвовавших в подготовке текста нового устава, был коллежский советник Греч.

22 апреля 1828 г. проект нового, подготовленного без участия Шишкова, цензурного устава был утвержден Николаем I²², и на следующий же день министр подал в отставку. Уже через день, 25 апреля, на его место был назначен светлейший князь К. А. Ливен, в недавнем прошлом старшина Российского библейского общества. Судя по чрезвычайной краткости периодов, которые разделяют эти события, ни уход первого, ни назначение второго для придворной верхушки не было неожиданностью²³.

Шишков, который прежде явился создателем едва ли не первого в России ведомственного журнала «Морские записки»²⁴, в пре-

²⁰ Там же. С. 372, 374, 376.

²¹ Там же. С. 381.

²² Однако ближайшие годы показали, что либеральный закон — не гарантия либеральных мер на практике. 30 декабря 1830 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Цензурный устав совсем ниспровержен. <...> Умы более и более развращаются, видя, как нарушаются законы теми самими, которые их составляют, как быстро одни законы сменяются другими и т.д.» (Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И. Я. Айзенштока. Т. 1. 1826–1857. М.; Л., 1955. С. 95).

²³ Еще в конце октября 1827 г. Булгарин сообщил в III отделение, что в день отставки министра юстиции князя Д. И. Лобанова-Ростовского «разнесся слух, якобы Шишков вышел в отставку и место его заступил князь Ливен». И вслед за тем добавил: «Русским это не по сердцу. Крик противу немцев» (Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 221).

²⁴ В 1800 г. вышла его первая часть с полным названием «Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых учрежденным при Государственной адмиралтейской коллегии комитетом».

клонном возрасте не уделил должного внимания созданию прессы, на которую он мог бы опереться, и это усугубило его положение. Смена министров произошла, как и прежде, в результате одних лишь придворных интриг, без какой-либо борьбы в прессе. Однако она не могла не повлиять на расстановку сил в периодической печати.

Само это событие явилось результатом столкновения национально ориентированных и космополитических сил, которые в ту эпоху часто связывают с «немецкой партией». Характерно, что ни один историк не попытался представить объяснений произошедшему более, чем это сделал С. В. Рождественский в официальной истории Министерства народного просвещения:

Когда в 1827 г. министр внутренних дел, В. С. Ланской, приступил к составлению нового устава для цензуры иностранных книг и испрашивал разрешение отступить от правил устава 1826 г., то государь повелел не только не держаться этого устава, но и подвергнуть его подробному пересмотру²⁵.

Что же произошло после июня 1826 г., что император разрешил изменить, а точнее — заменить только что введенный в действие закон? Ответ на этот вопрос следует искать в произошедшем в июле 1826 г. учреждении Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Уже в августе-сентябре того же года его управляющий М. Я. фон Фок в переписке с главным начальником Третьего отделения Бенкендорфом, объясняя тому действие общественного мнения и возможности влияния на него, утверждал:

Литераторы, эти провозвестники мнений, люди, пользующиеся в настоящее время влиянием больше, чем когда-либо, говорят, что новый цензурный устав закрывает им рот; общество вторит им, замечая, что, так как новым уставом не дается даже авторам гарантия, определенная законами, то положение их становится подчас очень незавидным. Кроме того, прибавляют некоторые, так как ответственность продолжает лежать на писателях даже после того, что сочинение пройдет через горнило цензуры, то совершенно лишнее иметь цензоров. Далее,

²⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 217.

к чему было издавать закон, который всеми читается и комментируется всюду, даже на рынках?²⁶

Вступление Бенкендорфа в борьбу с шишковским уставом предопределили несколько факторов. Главный — соперничество разных придворных партий, борющихся за сферы влияния, а литература и журналистика являлись одной из таких сфер. Помимо этого — личные амбиции и, вероятно, то, что в этой борьбе начальника Третьего отделения поддерживал и направлял фон Фок, который знал, как обращаться с общественным мнением. Известно, что Бенкендорф относился к своим обязанностям без излишнего рвения и охотно передоверял управляющему занятию текущими делами.

В середине мая 1826 г., еще до учреждения Третьего отделения и утверждения цензурного устава, Булгарин подготовил записку «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», которую направил начальнику Главного штаба Дибичу, а тот передал ее императору. Записка эта не только содержала критику деятельности Министерства народного просвещения, но и предлагала меры по изменению организации цензуры (тем самым журналист выступал против министра, покровительством которого он недавно заручился). В этой записке Булгарин предлагал не бороться с общественным мнением, а манипулировать им в интересах власти. Очевидно, летом 1826 г. фон Фок уже ознакомился с ее содержанием и опирался на почерпнутые в ней идеи, когда разъярял Бенкендорфу: «...общественное мнение не засадишь в тюрьму, а прижимая его — только доведешь до ожесточения»²⁷.

Начальник Третьего отделения внял советам Булгарина и фон Фока и повел последовательную борьбу с министром народного просвещения. Когда в ноябре 1827 г. цензура не разрешила публикацию стихотворения И. Н. Анненкова «Война в Персии» в журнале «Сын отечества», Бенкендорф вмешался в это дело. В споре с Шишковым он не только отстаивал интересы покровительствуемых им журналистов (то есть Булгарина и Греча), но и утвердил за своим ведомством, говоря современным языком, новую зону ответственности.

²⁶ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подлинным делам Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. 3-е изд. М., 2014. С. 36.

²⁷ Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 36.

сти: формально — право контролировать «все стихи, присылаемые нашими офицерами к г. Булгарину, для помещения в издаваемых им журналах»²⁸, а по сути — вторгаться в сферу деятельности цензуры. Именно к этому склонял его Булгарин, когда жаловался, во-первых, на цензора: «Он объявил, что не признает власти генерала Бенкендорфа»²⁹, — и, во-вторых, на цензурный комитет: «Если все присутственные места станут таким образом поступать небрежно, где употреблено имя вашего превосходительства, то от сего может последовать большой вред службе»³⁰. Стремление цензора И. Я. Ветринского и цензурного комитета запретить публикацию вызвано было, вероятно, тем, что Булгарин подчеркивал: стихи уже одобрены к печати Бенкендорфом³¹. Это было прямым посягательством на власть цензуры.

В итоге уже в 1828 г. Бенкендорф добился важной победы — довел дело до отставки Шишкова. Вероятно, это была главная цель, а изменение устава — скорее средство к тому.

В следующие пять лет после отставки Шишкова в придворных и правительственных кругах не появилось ни одного сановника, который не то чтобы действовал, а хотя бы рассуждал о национальных приоритетах, национальной культуре и стремился к развитию национального сознания. А вот космополитически мыслящие царедворцы как раз в это время нашли себе союзника в новом и чрезвычайно влиятельном ведомстве, то есть в Третьем отделении, которое А. О. Проскурин более 20 лет назад назвал «штабом» «немецкой партии»³².

Характерно, что термин «немецкая партия» появился в России не в XVIII в., когда российское общество и российские элиты чаще страдали от немецкого засилья, а порой боролись с ним. Он возник в эпоху романтизма, когда русские дворяне волей-неволей начали за-

²⁸ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. ... С. 42.

²⁹ Первоначально стихи Анненкова поступили к цензору И. Я. Ветринскому, бывшему профессору Санкт-Петербургской духовной академии. «Воспитанник знаменитого Фотия», — писал о нем Булгарин Бенкендорфу, имея в виду противника Голицына архимандрита Фотия (Спасского) (Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 225).

³⁰ Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 225–226.

³¹ Там же. С. 225.

³² Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 318.

думываться о национальном своеобразии. В исторических источниках это выражение появляется с 1820-х годов и получает разные значения. Так нередко называли сообщества внутри какой-либо корпорации: офицеров, медиков, университетских профессоров, ученых и пр. Безусловно, существовала мощная придворная «немецкая партия». Она, в частности, постоянно поддерживала и охраняла привилегии остзейских немцев. Одни немецкие сообщества налаживали связи с другими, в том числе и более влиятельными группировками или отдельными облеченными властью фигурами и, постоянно развивая эти связи, создавали сети патрон-клиентских отношений. Все это сообщество в целом со временем также стали называть «немецкой партией», хотя оно могло включать в себя и приезжих иностранцев или поддерживавших его русских дворян. Всех их объединяло космополитическое мировоззрение. Представления о служении нации для таких «немцев» заменяла идея подданства, как, например, для Е. Ф. Канкрин, который подчеркивал: «Я министр финансов не России, а русского императора»³³.

Практически в первые же недели своего существования Третье отделение наладило патрон-клиентские отношения с Булгариным и Гречем, которые с 1825 г. издавали газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества». Не позднее 1829 г. влияние Третьего отделения распространилось и на журнал «Московский телеграф». В 1830 г. фон Фок в черновике одного из обзоров рассказывал о его издателе Полевом:

...взятый на замечание, после нескольких дней пребывания в Петербурге одумался и, вступив в дружеские отношения кое с кем из наших благонамеренных авторов, совершенно изменил тон. Он публично признался в этом в своем журнале, сказав, что Вяземский плохо влиял на него³⁴.

Едва ли не общая особенность официозов Третьего отделения — они не только полемизировали с рассуждениями о народности и национальном искусстве, но и боролись с их апологетами, нападали на Карамзина, осмеивали труды Ю. И. Венелина и других исследова-

³³ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 7.

³⁴ Медведев М. М. Грибоедов под следствием и надзором // Литературное следствие. М., 1956. Т. 60: Декабристы-литераторы / ред. А. М. Еголин. [Ч.] II. Кн. 1. М., 1956. С. 488.

телей славянства и самих славян³⁵, а немногим позже обрушились на созданную М. И. Глинкой первую национальную оперу. При этом до 1830-х годов в журналистике никакие сплоченные силы им не противостояли. Единственное исключение — недолгое время действовавшая «Литературная газета», которую выпускали А. А. Дельвиг и А. С. Пушкин, но она не имела высоких покровителей и потому ее существование оказалось недолгим³⁶. Ведь Третье отделение не только поддерживало «своих» журналистов и «свои» издания, но и активно боролось с чужими.

В апреле 1832 г. товарищем министра народного просвещения был назначен недавний противник Шишкова С. С. Уваров, а спустя 11 месяцев он стал исполняющим должность министра. Уже в этом качестве он явился инициатором издания «Ученых записок Императорского Московского университета», в которых появился ряд важных для него статей, таких как работы М. П. Погодина «Взгляд на русскую историю» и В. С. Межевича «О народности в жизни и поэзии».

Еще в 1832 г. Уваров задумал создать «Журнал Министерства народного просвещения», однако к его выпуску он приступил лишь с 1834 г. Именно здесь впервые публично прозвучала известная «уваровская формула», а представления о народности раскрывали на страницах журнала П. А. Плетнев, Погодин, С. П. Шевырев и др. Журнал этот, как отмечают Р. Х. Галиуллина и К. А. Ильина, «стал органом довольно четко сформулированного государственного дискурса не только “русского университета”, но и национальной науки». Более того, «появлению концепта “русская наука” мы обязаны целенаправленным усилиям министерства Уварова и его журнала»³⁷. Разумеется, «русская наука» не понималась в примитивно толкуемом национали-

³⁵ О. А. Проскурин писал: «На Россию немецкая партия смотрела примерно так же, как европейские немецкие дворы смотрели на подчиненное им славянское население, — как на опасную и враждебную “варварскую” стихию, движение которой надо постоянно сдерживать самыми жестокими мерами» (*Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи.* С. 318).

³⁶ Подробнее см.: Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение: скрытая механика покровительства и наказания // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. Т. 3, № 2. С. 128–157. URL: <https://philosophy.hse.ru/article/view/9816> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁷ Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века). М., 2012. С. 19. (Препринт / Высш. шк. экономики; WP6/2012/02) (Серия WP6. Гуманитарные исследования). URL: https://www.hse.ru/data/2012/10/10/1247084916/WP6_2012_02_f.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

стическом смысле. Те же авторы подчеркивают, что в «Журнале Министерства народного просвещения» печатались, к примеру, присланные из Казани «статьи немцев, поляков, иранцев»³⁸.

С 1834 г. стали выходить также «Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом». По замыслу министра, журналы этого типа представляли «своего рода отчет каждого университетского сообщества о текущей исследовательской работе и о вкладе в развитие национальной науки»³⁹. Как пишут Галиуллина и Ильина, «для представителей целого ряда дисциплин они стали возможностью иметь право голоса, независимо от Академии наук» (где десятилетиями была сильна «немецкая партия»). В качестве примера этому авторы приводят статьи Н. И. Лобачевского по неевклидовой геометрии (1835–1838 и 1853–1855 гг.): «Известно, что академики агрессивно восприняли изобретение казанского ученого и вряд ли бы допустили его к публикации»⁴⁰.

В это же время Уваров стал укреплять популярность еще одного издания, подконтрольного ему в силу занимаемого им поста президента Академии наук — принадлежавших академии «Санкт-Петербургских ведомостей». С 1836 г. их редактором (а с 1847 г. и издателем) стал подчиненный Уварова-министра секретарь правления Санкт-Петербургского университета А. Н. Очкин, в 1841 г. вступивший еще и на службу цензором. Редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» стремился превратить их в серьезного конкурента «Северной пчеле», поэтому в 1839 г. заявил о высоких гонорарах, которые готов выплачивать литераторам, участвующим в его газете. И это, конечно, сыграло свою роль⁴¹.

Однако Уварову для продвижения своих идей нужны были неофициальные издания, включающие в себя публицистику и литературную критику. Поэтому он привлек на свою сторону издания Н. И. Надеждина — журнал «Телескоп» и газету «Молва» — и способствовал появлению новых, лояльных к нему журналов: в 1835 г. — «Московского наблюдателя», а в 1841 г. — «Москвитянина» и др. В них не только велась полемика с изданиями Булгарина и Греча,

³⁸ Там же. С. 16.

³⁹ Там же. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 37.

⁴¹ Венгеров С. А. Ежедневная печать конца дореформенной эпохи // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати: 1703–1903. СПб., 1903. С. 119–123.

но и помещались рассуждения об особенностях русской народности, о путях развития национального сознания. Пример этому — статья Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности». Автор ее рассуждал о русском просвещении, «основания и формы» которого пересоздавались заботами «мудрого, благодетельного правительства»⁴². При этом он мельком поминал «немецкое тяжелое дышло» и «враждебную неметчину»⁴³.

Характерно, что Уваров, представляя Николаю I прошение об издании журнала «Московский наблюдатель», прямо заявил о потребности в «повременном издании, которое могло бы служить некоторым противодействием петербургским периодическим сочинениям, находящимся почти в одних руках и сделавшимся чрез то как бы монополией немногих лиц»⁴⁴. Понятно, что такой монополией обладали именно издания, подконтрольные Третьему отделению⁴⁵. Такого министр народного просвещения не позволял себе ни до, ни после. Однако в то время Уваров считал свое положение при дворе весьма прочным. И действительно, император на его доклад наложил резолюцию: «Согласен»⁴⁶.

И для Министерства народного просвещения, и для Третьего отделения удобным инструментом манипулирования прессой являлась цензура, функциями которой они обладали по закону. Так, Уваров в 1834 г. добился запрещения журнала «Московский

⁴² Надеждин Н. И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 1. С. 10.

⁴³ Надеждин Н. И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности (окончание) // Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 2. С. 208, 241–242.

⁴⁴ Дело о дозволении титулярному советнику Андросову издавать журнал под названием «Московский наблюдатель». 1834 // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 724. Л. 8 об.

⁴⁵ Ситуацию, сложившуюся в журналистике середины 1830-х годов, В. Ф. Одоевский позднее описывал таким образом: «Намекнуть о монополии “Северной пчелы” на политические новости и ежедневный выход считалось делом самым предосудительным. В это время “Библиотека для чтения”, “Сын Отечества” и “Северная пчела”, братски соединенные, держали в блокаде все, что им не потворствовало, и всякое издание, осмеливавшееся не принадлежать к этой фаланге, хлестали в три... конца. ...вообще борьба была неравная, ибо тогда считалось делом обыкновенным наводить на противника подозрение в неблагонамеренности, вольнодумстве и прочих т. п. вещах...» (Бычков И. А. Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. Прил. 2-е. С. 47).

⁴⁶ Дело о дозволении титулярному советнику Андросову издавать журнал под названием «Московский наблюдатель». 1834. Л. 8.

телеграф»⁴⁷, а в 1838 г. выходившей в Риге на немецком языке газеты «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Ehstland»⁴⁸.

В свою очередь Третье отделение в 1836 г. убедило императора в необходимости закрыть издания Надеждина. Поводом для этого использовали публикацию первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Надеждин напечатал этот своего рода прозападнический манифест, чтобы, как подчеркивает А. И. Миллер, вступить с ним в полемику в следующем номере⁴⁹. Узнал ли об этом Бенкендорф или нет, но у него уже было достаточно мотивов, чтобы избавиться от надеждинских изданий.

Третье отделение взяло под свой контроль редактируемый О. И. Сенковским журнал «Библиотека для чтения» и обеспечило переход в руки А. А. Краевского газеты «Литературные приложения к “Русскому инвалиду”» (соредактором которой стал адъютант Л. В. Дубельта В. А. Владиславлев), а затем — журнала «Отечественные записки». Среди пайщиков этого издания были Владиславлев и сотрудник Третьего отделения Б. А. Враский⁵⁰, и, конечно, здесь печатались статьи, инспирированные этим ведомством.

С октября 1839 г. постоянным сотрудником «Отечественных записок» стал В. Г. Белинский. Пятью годами ранее в надеждинской «Молве» он, рассуждая о народности, восклицал: «Да! у нас скоро будет свое русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке». И далее, пусть и не называя по имени, он восхвалял Уварова, который явился в Московский университет «указывать путь к просвещению в духе *православия*,

⁴⁷ Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение... С. 141–143.

⁴⁸ Бадалян Д. А., Фафурин Г. А. Министр народного просвещения С. С. Уваров и закрытие газеты «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. Книга в медиапространстве: вчера, сегодня, завтра: мат-лы Междунар. науч. конф. «XXI Смирдинские чтения», посвящ. 100-летию со дня рождения И. Е. Баренбаума. 2627 ноября 2020 г. Санкт-Петербург. СПб., 2020. С. 101–102; История моих лифляндских периодических изданий: очерк воспоминаний Гарлиба Меркеля. С. 325–330.

⁴⁹ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. С. 201.

⁵⁰ Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 343; Ильин-Томищ А. А. Враский, Враский Борис Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: биогр. сл. / редкол.: П. А. Николаев и др. Т. 1. М., 1989. С. 494.

самодержавия и народности...»⁵¹. Теперь же, в 1839 г., Белинский заявлял, что «наша народность» есть «безусловное повиновение царской власти», и далее убеждал: «...наше русское народное сознание вполне выражается и вполне исчерпывается словом “царь”, в отношении к которому “отечество” есть понятие подчиненное, следствие причины»⁵². Разумеется, такая логика полностью соответствовала интересам Дубельта и Бенкендорфа и была внушена «неистовому Виссариону» не без стараний их подчиненных⁵³.

Обращение ведомства Бенкендорфа с близкими к нему журналистами более всего соответствует тому, что называется патрон-клиентскими отношениями, то есть неформальными отношениями между людьми с неравными социальными статусами и обладающими неравными ресурсами власти, но связанными взаимными обязательствами и заинтересованными друг в друге.

И здесь самым ярким примером служат отношения «высшей полиции» с Булгариным. Неформальные отношения предполагали покровительство, выходящее за пределы, предусмотренные законом. Так, в декабре 1839 г. после того, как соредакторы «Северной пчелы» получили от Уварова отказ на просьбу о разрешении в их газете частных объявлений, Булгарин передал Дубельту неофициальное (как специально он подчеркнул) письмо. Напомнив, что прежде Бенкендорф обещал ему и Гречу «много доброго», автор письма настаивал: «...каждая газета имеет свое начальство, а “Пчела”, по личному нам объявлению графа Александра Христофоровича находится в его непосредственном ведении, а потому он один и может сделать об ней представление государю императору»⁵⁴.

⁵¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835. М., 1953. С. 102. Курсив и разрядка в источнике.

⁵² Белинский В. Г. Бородинская годовщина. В. Жуковского [...] Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду [...] // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839–1840. М., 1953. С. 247. Курсив в источнике.

⁵³ Подробнее о связи публициста с Третьим отделением см.: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 343–348; Бадалян Д. А. В. Г. Белинский-публицист: метаморфозы в борьбе литературных партий // Русская публицистика: эволюция идей и форм: сб. ст. / отв. ред. Л. П. Громова. СПб., 2021. С. 98–105.

⁵⁴ Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 456.

Особые отношения Третьего отделения и «Северной пчелы» не были секретом для общества. И поэтому с жалобами на ее редакторов часто обращались не в цензуру, а к покровителю газеты, имевшему реальную власть над изданием. Так поступали, например, военный министр граф А. И. Чернышев или зубной врач А. Вагенгейм, в 1840 г. жаловавшиеся Бенкендорфу на конкретные публикации «Северной пчелы»⁵⁵. Точно так же в декабре 1843 г. был вынужден поступить и Уваров. Столкнувшись с вызывающим поведением «Северной пчелы», министр, вместо того чтобы воспользоваться своим законным правом и наказать издателя нелюбимой им газеты, обратился в неофициальном письме к Бенкендорфу с жалобой на его клиента⁵⁶. Тем самым и министр признавал власть Третьего отделения над этим изданием.

Хотя основой отношений патроната и клиентелы традиционно считаются именно личные контакты и связи, Булгарин и после смерти Бенкендорфа в 1844 г. более или менее успешно развивал отношения с его преемником на посту начальника Третьего отделения графом А. Ф. Орловым. Издатель «Северной пчелы» был обязан этим управляющему Третьим отделением Дубельту. Тот сам выступал в качестве патрона Булгарина, а в отношениях с Орловым служил для него посредником. Так, 23 апреля 1848 г. Булгарин жаловался Орлову:

«Северная пчела» — сирота. Власть министерская устремлена не ко благу ее. А по духу, в котором наша газета издается, именно для направления общего мнения на истинный путь, «Северная пчела» принадлежит Вам, сиятельный граф! Будьте ее покровителем и осчастливьте душою преданных Вам издателей...⁵⁷

Излагая свою просьбу, Булгарин добавлял:

...как всем другим газетам разрешено печатание прибавлений без сношений с графом Уваровым, а по представлению начальства, так и «Северной пчеле» может быть разрешено только по представлению

⁵⁵ О «Северной пчеле» // ГА РФ. Ф. 109 (III отделение). Оп. 5. Д. 446. Ч. 6. Л. 49, 52–53.

⁵⁶ Там же. Л. 52.

⁵⁷ Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 566.

Вашего Сиятельства, которого мы признаем *нашим непосредственным начальником*, ибо покойный граф Бенкендорф объявил нам это от высочайшего имени, еще в 1826 году⁵⁸.

Булгарин здесь явно переусердствовал, если Бенкендорф и объявлял ему что-то в 1826 г., так не то, что Орлов — его непосредственный начальник, а подчинение «Северной пчелы» цензуре Министерства народного просвещения на общих основания с прочими частными газетами было подтверждено Николаем I в декабре 1843 г.⁵⁹

Подобные, хотя и не столь обильные примеры патрон-клиентских отношений мы видим и с другой стороны. Так, Погодин, в сентябре 1840 г. готовясь к изданию журнала «Москвитянин», сообщал М. А. Максимовичу: «Журнал — под покровительством Сергия Семеновича, который все есть лучший двигатель и ревнитель русского просвещения»⁶⁰. А в декабре того же года, рассказывая В. И. Далю о своих отношениях с Уваровым, Погодин добавлял: «Я буду посылать ему даже коррек<туры> частным образом»⁶¹.

Другими менее явными конкурентами и противниками Третьего отделения являлись два министра — Л. А. Перовский и граф П. Д. Киселев вместе со стоявшими за ними министерствами внутренних дел и государственных имуществ. Кстати, и в том и в другом разрабатывались меры, направленные на улучшение положения крестьян. Один из проектов Перовский даже назвал «Об уничтожении крепостного состояния в России» (впрочем, реальное уничтожение представлялось в нем лишь как отдаленная цель). В Министерстве же государственных имуществ такие меры не только разрабатывались, но и внедрялись: подготовленная под руководством Киселева реформа улучшила положение подведомственных его министерству государственных крестьян и одновременно повысила собираемые с них налоги.

⁵⁸ Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 567. Курсив в источнике.

⁵⁹ Там же. С. 459.

⁶⁰ Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу / с поясн. С. И. Пономарева. СПб., 1882. С. 25.

⁶¹ Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. Ч. 1 / публ. А. А. Ильина-Томича // Лица: Биографический альманах / ред.-сост. А. А. Ильин-Томич. М.; СПб., 1993. Вып. 2. С. 303.

Если в письмах к Дубельту Булгарин отзывался о Перовском только с уважением (как-никак особо приближенный к императору человек), то министра государственных имуществ он стремился очернить: «Киселев, противу своей воли и желания, произвел много зла, непрерывными обнародованиями правил французской конституции 1791 года *le droit de l'homme*⁶², а на деле разорением в пух госуд[арственных] крестьян». И в том же письме он сообщал: «В городе повторяют разные *bon-mots*⁶³ князя Меншикова: “Нам не страшен коммунизм, а страшен киселизм”»⁶⁴.

В распоряжении министра государственных имуществ имелось два периодических издания. Первое, «Земледельческая газета», было создано в середине 1834 г. по решению министра финансов Канкрин. С того момента газетой официально руководил директор — остзеец Е. А. Энгельгардт, вторым ее редактором числился его зять, А. Остен-Сакен, а переводчиком — друг, В. П. Лангер. Однако значительную часть работ по редакции с самого начала нес редактор С. М. Усов (действительный студент, затем адъютант, позднее экстраординарный профессор). При этом Энгельгардт, получавший жалование в полтора раза более Усова⁶⁵, решал за счет газеты и свои собственные проблемы. Позднее Греч рассказывал о порядках в редакции: «Работу всю отправлял редактор Степан Михайлович Усов, а Энгельгардт под предлогом изучения земледелия выписывал себе на казенный счет журналы о садоводстве»⁶⁶.

Влияние Энгельгардта выразилось и в том, что многие сотрудники газеты оказались «из среды прибалтийских хозяев» и «более половины частных корреспонденций за первое полугодие было переведено с немецкого»⁶⁷. И неудивительно, что в издании постоянно описывались достижения остзейских помещиков⁶⁸. Как отмечает Л. А. Ключ-

⁶² Права человека (фр.).

⁶³ Остроты (фр.).

⁶⁴ Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 562.

⁶⁵ Краткий исторический обзор «Земледельческой газеты» за пятидесятилетие (с 1834 г. по 1884 г.): приложение к «Земледельческой газете». СПб., 1884. С. 3.

⁶⁶ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 248–249.

⁶⁷ Краткий исторический обзор «Земледельческой газеты» за пятидесятилетие (с 1834 г. по 1884 г.): приложение к «Земледельческой газете». С. 10.

⁶⁸ Ключковская Л. А. Степан Михайлович Усов — редактор «Земледельческой газеты» (1834–1852). М., 2012. С. 37. Констатируя это, Л. А. Ключковская пишет: «Развитию сельского хозяйства в прибалтийских губерниях способствовали так-

ковская, в первые десять лет издания в число его авторов входили 16 баронов (только у Фалькерзама опубликовано 7 статей, у А. Боде — 15, у Ф. Унгерн-Штенберга — 34), еще 12 авторов имели дворянскую приставку «фон» (среди них самые активные К. Г. фон Майдель и фон Гагемейстер, у которых вышло 13 и 12 публикаций соответственно). Наконец, как минимум дважды в газете печатался сам Канкрин⁶⁹.

В 1838 г., после того как на основе бывшего Департамента Министерства финансов было создано Министерство государственных имуществ, газета, имевшая к тому времени почти 5 тыс. подписчиков, перешла в ведение Киселева. Судя по всему, он не относился к газете министерства, с ее на две трети немецкой редакцией, как к своему надежному инструменту. Однако ему было важно вывести это издание из-под влияния Канкрина.

Газета продолжала помещать публикации по различным вопросам ведения и организации сельского хозяйства. Вспоминая 1840-е годы, славянофил А. И. Кошелев говорил о «Земледельческой газете», что «она слыла либеральною и по-тогдашнему была действительно таковою по милости покровительствовавшего ей министра государственных имуществ Киселева»⁷⁰. Именно по этой причине Кошелев в ноябре 1847 г. направил в ее редакцию статью «Охота пуще неволи», в которой убеждал помещиков «освобождать дворовых людей, заключая с ними условия». Хотя и со «значительными урезками», ее напечатали⁷¹. Да и позднее на страницах этой газеты продолжали затрагивать вопросы вольнонаемного труда.

Киселев главным образом делал ставку на другое официальное издание, которое начало выходить с 1841 г. (то есть именно с года завершения его реформы) — «Журнал Министерства государственных имуществ». Оно готовилось под редакцией зятя Киселева и его ближайшего помощника в деле реформы, экономиста и статистика А. П. Заблоцкого-Десятовского. Сын М. С. Усова Павел позднее заяв-

же особые меры правительства: частичное освобождение крестьян от крепостной зависимости, предоставление им личной свободы без земли» (Там же. С. 54–55). Однако осуществленное без земли «освобождение крестьян» обернулось превращением их в дешевую рабочую силу. Делалось это в 1816–1819 гг. именно в интересах остзейских дворян и привело к беспросветной эксплуатации крестьян Эстляндии, Лифляндии и Курляндии.

⁶⁹ Там же. С. 63.

⁷⁰ Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева... С. 48.

⁷¹ Там же. С. 48.

лял, что министр «не благосклонно» относился к газете, редактируемой его отцом: «Все интересные сведения, все поступавшие в министерство ученые исследования и статьи передавались в журнал, а не в газету»⁷². В 1853 г. журнал и газета были объединены под общей редакцией, которую возглавил Заблоцкий-Десятовский. Тогда издание покинули 78-летний Энгельгардт и Усов. Обновленная «Земледельческая газета» в значительной степени была переориентирована на крестьянскую аудиторию⁷³. Использовал ли Киселев «Журнал Министерства государственных имуществ» в борьбе с пронемецкой элитой и каким именно образом — вопрос, который до сих пор остается неисследованным.

По-иному складывались отношения с журналистикой и литературой у Перовского. Служивший при нем чиновником по особым поручениям П. И. Мельников (писатель Андрей Печерский) вспоминал:

Перовский любил окружать себя пишущими людьми, сознавал и открыто высказывал, что каждому истинно просвещенному министру так поступать необходимо. Без просьб, без ходатайств переводил он молодых людей, заявивших чем-нибудь себя в науке или литературе, из губерний в министерство, назначая их на места, которых тщетно добывались кандидаты с сильными протекциями⁷⁴.

В министерстве Перовского служили, например, литераторы граф А. К. Толстой, И. С. Тургенев, граф В. А. Сологуб, М. Н. Лонгинов, а также владеющие пером ученые: востоковеды В. В. Григорьев и П. С. Савельев, этнографы И. П. Сахаров и А. В. Терещенко, статистик А. И. Артемьев и археолог граф А. С. Уваров.

Редактором «Журнала Министерства внутренних дел» с 1842 г. являлся Надеждин. Он преобразовал это издание и регулярно помещал в нем публикации, посвященные культуре, истории, этнографии России. Причем одновременно нес службу и как чиновник

⁷² Усов П. С. Каждому свое // Ключковская Л. А. Степан Михайлович Усов — редактор «Земледельческой газеты» (1834–1852). М., 2012. С. 121.

⁷³ Ключковская Л. А. Степан Михайлович Усов — редактор «Земледельческой газеты» (1834–1852). С. 33.

⁷⁴ Мельников П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В. И. Даль и Общество любителей российской словесности: сб. / отв. ред. В. П. Нерознак, сост. Р. Н. Клейменова. СПб., 2002. С. 34–35.

по особым поручениям. Когда по ходатайству Перовского в 1845 г. было учреждено Русское географическое общество, в него вместе с большим числом сотрудников Министерства внутренних дел вступил и Надеждин. Он стал редактором «Записок Русского географического общества» и других его изданий. Однако прежде чем это произошло, необходимо было выдержать борьбу за направление исследований, которая возникла в обществе между «русской» и «немецкой» партиями. И Надеждин проявил себя одним из активных сторонников русского направления⁷⁵.

Как вспоминал спустя годы Мельников-Печерский, «Даль и Надеждин вели самые важные дела в министерстве под личным руководством самого министра»⁷⁶. В.И. Даль был, пожалуй, самым близким к Перовскому сотрудником. С 1841 г. он служил при нем сначала секретарем, позднее получил должность чиновника особых поручений, а затем — управляющего Особенной канцелярией при министерстве. В нее министр внутренних дел передавал секретные и наиболее важные для него дела. В.А. Шкерин уверен, что «свою Особенную канцелярию Л. Перовский создал в противовес III отделению собственной его императорского величества канцелярии»⁷⁷. Это утверждение выглядит довольно убедительно в свете воспоминаний современника, в ту пору штабс-капитана Генерального штаба П.А. Кузьмина, который объяснял: «В течение нескольких лет шла борьба Перовского против Орлова, яко шефа жандармов, и в этой борьбе Перовский доказывал, что вся полиция должна сосредоточиться в Министерстве внутренних дел»⁷⁸.

Близкое к министру положение Даля сделало его мишенью для противников Перовского из Негласного комитета 2 апреля 1848 г. (который стал еще одним инструментом «немецкой партии»). Их стараниями писателю был объявлен «высочайший выговор» за опуб-

⁷⁵ Найдт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет / сост.: Пол В. Верт, П. Кабытов и др.; отв. ред. О. Леонтьева, М. Долбилов. М., 2005. С. 166–174; Бадалян Д. А. «Немецкие партии» в русской науке XIX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 181, 183.

⁷⁶ Мельников П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале. С. 36.

⁷⁷ Шкерин В. А. «Поединок на шпионах»: дело петрашевцев и политическая провокация в России. М.; Екатеринбург, 2019. С. 88.

⁷⁸ Кузмин П. А. Из записок // Первые русские социалисты: воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б. Ф. Егоров, науч. ред. С. С. Волк. Л., 1984. С. 317.

ликованный в журнале «Москвитянин» рассказ «Ворожейка»⁷⁹. После этого Даль, понимая, что он оказался в положении заложника и любое его неосторожное печатное выражение будет использовано во вред ему и министру, оставил Особенную канцелярию и перевелся на службу управляющим удельной конторой в Нижний Новгород.

1850-е годы знают немного примеров столкновений внутри российской элиты из-за национально ориентированных изданий. Причина этого в том, что в конце правления Николая I борьба с такими изданиями и их потенциальными покровителями приобрела самый жесткий характер. И произошедшая в 1855 г. смена власти не означала моментальной смены элит. В следующие же два десятилетия русская журналистика пережила существенные метаморфозы. Изменения отразились во многих аспектах ее деятельности: разнообразии типов изданий и росте тиражей расширении содержания, где все более и более активно проявляла себя политическая составляющая капитализации прессы, которая в умелых руках стала прибыльным товаром. Наконец, в появлении большого числа официальных и официозных изданий.

Теперь это явление приобрело новые масштабы и получило необходимое определение. Среди первых, кто в 1860-е годы озаботился организацией надежных отношений с прессой, были министр внутренних дел П. А. Валуев и министр народного просвещения А. В. Головнин.

Вступив в должность министра, Валуев поспешил избавиться от когда-то преобразованного и руководимого Надеждиным «Журнала Министерства внутренних дел», а ему на смену создал официальную газету «Северная почта». Одновременно он превратил в свой официоз московскую газету «Наше время», а позднее, в 1880 г., по его инициативе была создана как официоз газета «Берег», которую помимо председателя Комитета министров Валуева поддерживали министр внутренних дел Л. С. Маков, начальник Третьего отделения А. Р. Дрентельн и министр финансов С. А. Грейг. Добавим, что в 1879–1881 гг. личным официозом Валуева являлась газета (затем журнал) «Отголоски».

Проведя в высших органах власти около двух десятков лет, Валуев постоянно выступал как союзник «немецкой партии» (он — сын немки — был включен в матрикулы Курляндии и Эстляндии, то есть

⁷⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Кн. 9. С. 287–288.

обладал привилегиями остзейского дворянина) и одновременно — «польской партии»⁸⁰. Наконец, долгие «партнерские» отношения связывали его с Третьим отделением. Пример чему — его активное участие в борьбе с редактируемыми И. С. Аксаковым газетами «День» и «Москва». Не случайно же в январе 1868 г., после приостановки цензуры «Москвы», Ф. И. Тютчев писал Аксакову:

...в русском обществе два учения, два направления — русское и антирусское. При содействии существующего порядка, судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить антирусское направление верховным и полновластным судьей всей мыслящей России, и как ни поразительно подобное безобразие, в самых высших сферах к нему относятся равнодушно⁸¹.

Еще одним (и куда более влиятельным, чем Аксаков, если рассматривать придворные круги) оппонентом Валуева являлся военный министр Д. А. Милютин, в чьем ведении находилась официальная газета «Русский инвалид». В апреле 1865 г. она вступила в полемику с изданиями, отстаивавшими интересы остзейских баронов. Однако вынуждена была замолчать после указания императора, переданного министру начальником Третьего отделения князем В. А. Долгоруковым⁸². Как видно, на протяжении своей более чем полувековой истории это учреждение — кто бы ни стоял во главе его — отстаивало интересы антинациональных сил.

Противостояние этих сил и военного министра продолжилось и в последующем. Когда в 1868 г. во главе Министерства внутренних дел был поставлен А. Е. Тимашев (в 1856–1861 гг. служивший управляющим Третьим отделением), он предложил императору учредить единую правительственную газету. Однако издавать ее предстояло именно Министерству внутренних дел. В виду появления такого органа иные официальные издания, представлявшие интересы отдель-

⁸⁰ О его вражде к усмирителю восстания М. Н. Муравьеву см.: Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2003. С. 325, 428.

⁸¹ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам / публ. К. В. Пигарева; предисл. и коммент. Л. Н. Кузиной // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев / отв. ред. С. А. Макашин, К. В. Пигарев, Т. Г. Динесман. Кн. 1. М., 1988. С. 320.

⁸² Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1865–1867. С. 147.

ных ведомств (и вносившие, как подчеркивал Тимашев, разноречивое освещение государственной политики), должны были бы упразднить или ограничить в предоставленных им возможностях. Главной целью этой интриги, осуществляемой совместно с начальником Третьего отделения графом П. А. Шуваловым, являлось избавление сначала от газеты военного министерства, а затем и от самого министра Милютина⁸³. Однако планы Тимашева в полной мере не осуществились, то есть его ведомство действительно стало выпускать официальную «Правительственную газету», но существенно поколебать положение военного министра и его издания не удалось.

Свою когорту официозов имел министр народного просвещения А. В. Головнин. Он, как и Валуев, в 1840-е годы служил в ведомстве Перовского. И если тот более десяти лет провел в Прибалтийском крае, то Головнин в то время проявил себя участием в деятельности Русского географического общества, где поддерживал «русскую партию».

Едва приступив к управлению Министерством народного просвещения (в ведении которого тогда находилась цензура), Головнин начал заигрывать с самыми радикальными (и потому популярными) изданиями. Так, он по собственной инициативе отправился в редакцию журнала «Современник», чтобы познакомиться с ее редактором-издателем И. И. Панаевым. При этом, как вспоминала А. П. Панаева, в передней редакции не оказалось лакея, который бы доложил о нем, и тот долго стоял ждал, пока на него обратят внимание и к нему выйдет редактор-издатель. Уже после этого Головнин попросил Панаева познакомить его с Н. Г. Чернышевским⁸⁴.

Другой пример: в начале 1862 г. Тургенев просил Герцена, чтобы тот в своей газете «Колокол» не нападал на Головнина. И вскоре пришло время ответных услуг: в апреле министр обнадежил петербургского издателя Д. Е. Кожанчикова, что выхлопочет ему разрешение на печать доэмигрантских произведений Герцена (помешало этому то, что вскоре сам Кожанчиков попал под следствие за связь с издателем «Колокола»). Затем, в мае, при обсуждении мер противодействия революционной пропаганде, Головнин настоял на отказе

⁸³ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. С. 95–96; Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики / Е. М. Феоктистов, В. Д. Новицкий, Ф. Лир, М. Э. Клейнмихель; сост. А. А. Либерман. М., 2001. С. 220–221.

⁸⁴ Панаева А. Я. Воспоминания / вступ. ст. К. И. Чуковского; примеч. Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1986. С. 278.

от вступления в систематическую полемику с изданиями Герцена⁸⁵. Наконец, добавим, что Головнин, как писал Д. А. Милютин, проявил себя «сторонником примирительного образа действий относительно Польши и противодействовал возбуждению национального русского чувства»⁸⁶.

В 1860-е годы Головнин использовал для публикации необходимых ему статей петербургские либеральные издания «Сын отечества» (с 1862 г. это была ежедневная газета издателя-редактора А. В. Старчевского) и «Северная пчела» (в 1860–1864 гг. принадлежала издателю-редактору П. С. Усову). Обе они имели преференции от его министерства⁸⁷.

Однако наиболее эффективно действующим официозом Головина явилась газета Краевского «Голос». До 1862 г. этот журналист более десяти лет редактировал принадлежащую Академии наук в ту пору либеральную газету «Санкт-Петербургские ведомости» и не раз выражал готовность сделать ее официозом Третьего отделения⁸⁸ (что однако не помешало ему в 1857 г. посетить в Лондоне Герцена). Подобные планы уже всерьез обсуждались в 1862 г., но были разрушены вмешательством сочувствующего славянофилам президента Академии наук графа Д. Н. Блудова⁸⁹. Вот тогда Краевский и решил создать крупную ежедневную газету либерального направления. С начала ее издания в 1863 г. в течение трех лет она являлась официозом министра народного просвещения Головина, а также Валуева и министра финансов М. Х. Рейтерна. Позиция «Голоса» отчетливо проявилась во время Польского восстания, когда национальные интересы отстаивали «Московские ведомости», редактируемые М. Н. Катковым, и «Русский инвалид», а газета Краевского выступила их горячим «полонофильским» оппонентом⁹⁰.

⁸⁵ Бадалян Д. А. Журналист, общественное мнение и власть: издания М. Н. Каткова в «царских обозрениях» 1860–1866 годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 97, 95.

⁸⁶ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864. С. 506.

⁸⁷ Бадалян Д. А. Журналист, общественное мнение и власть... С. 104; Сони-на Е. С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб., 2004. С. 136.

⁸⁸ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. С. 106.

⁸⁹ Там же. С. 107.

⁹⁰ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864. С. 252.

Еще до ухода Головнина с поста министра «Голос» лишился его финансовой поддержки. Спустя годы, в 1870-е, Краевский превратил свою газету в официоз министра иностранных дел светлейшего князя А. М. Горчакова, а в 1880 г. — в официоз министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова. Похожие метаморфозы переживала и приобретенная в 1876 г. А. С. Сувориным газета «Новое время». Хотя и не сразу составившая себе репутацию консервативного издания, она также являлась рупором Лорис-Меликова, затем его преемника графа Н. П. Игнатьева, а еще позже — министра иностранных дел Н. К. Гирса.

Два последних издания заставляют вспомнить такую ситуацию: когда в 1880 г. развернулось скрытое противостояние Валуева и Лорис-Меликова⁹¹, первый использовал в этой борьбе почти никем не читаемый официоз «Отголоски», а второй привлек на свою сторону (вероятно, даже без денежных вливаний) две крупнейшие в стране газеты — либеральный «Голос» и консервативное «Новое время». Победа — и на газетном поле, и в политической сфере — осталась за Лорис-Меликовым⁹².

Эпоха Александра II выдвинула как минимум несколько ярких и глубоких публицистов национального направления. Примером могут служить Катков, имевший в своем распоряжении «Московские ведомости» и «Русский вестник», Аксаков, редактировавший «День», «Москву» и «Русь», Ю. Ф. Самарин, автор блестящих статей и цикла «Окраины России», или Ф. М. Достоевский с его «Дневником писателя». И ни один из них, подчеркнем, не вступал в патрон-клиентские отношения с властями предрежжащими. Относится это и к редактору «Московских ведомостей», который, когда того требовало дело, заключал союзы с властными фигурами, а когда ситуация менялась, мог их и разорвать. Не случайно же Е. М. Феокистов,

⁹¹ 10 апреля 1880 г. Аксаков рассказывал о Лорис-Меликове в письме Г. П. Галагану: «Он окружен положительным заговором, с Валуевым во главе, чуть ли не всех министров (за исключением военного)» (Из писем И. С. Аксакова к Г. П. Галагану // Русский архив. 1902. № 7. С. 497). Роль Лорис-Меликова как деятеля национального направления весьма спорна, однако отметим, что, благодаря ему было упразднено Третье отделение и Аксаков получил разрешение издавать газету «Русь».

⁹² Бадалян Д. А. М. Т. Лорис-Меликов в 1880 г.: борьба за влияние на прессу // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. тр. Вып. 16. СПб., 2012. С. 137–145.

рассказывая о Каткове, подчеркивал: «Правительство боялось его и вместе с тем заискивало в нем»⁹³.

Однако нельзя сказать, что это же время создало плеяду министров или крупных государственных деятелей, которые бы целенаправленно и постоянно проводили национально ориентированную политику. Можно назвать лишь немногих высших представителей власти, вроде Горчакова (кстати, уроженца Эстляндии) или Д. А. и Н. А. Милютиных, которые время от времени действовали или пытались действовать в этом направлении (как, впрочем, было и с министрами николаевской эпохи). Причем их национально ориентированная позиция укрепляется в наших глазах во многом благодаря борьбе с ними противников из откровенно космополитического, антинационального лагеря.

Государственных деятелей национального направления было бы, пожалуй, легче указать в правлении следующего императора. Однако оно отмечено и первым, ранее небывалым примером — бескомпромиссной борьбой, развернувшейся между, казалось бы, близкими лагерями, поддержанными двумя патриотическими изданиями. Речь идет о столкновении вокруг идеи учреждения Земского собора. В 1882 г. в схватке из-за нее сошлись министр внутренних граф Н. П. Игнатьев и обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, опиравшиеся на газеты Аксакова и Каткова⁹⁴.

В 1880-е годы проявилась и новая тенденция: приверженность или пренебрежение национальными интересами стали использовать как аргументы в ходе печатной кампании вокруг какого-либо государственного деятеля. Даже если эти аргументы были надуманными, общество и власть реагировали на такие обвинения. К примеру, в 1886 г. князь В. П. Мещерский на страницах своей газеты «Гражданин» вступил в борьбу за смещение с поста министра финансов Н. Х. Бунге и передачу его обязанностей И. А. Вышнеградскому. При этом он убеждал своих читателей, что «берлинской бирже сильно не по вкусу И. А. Вышнеградский», что он осуществит «поворот нашей финансовой политики в менее странную и менее иностранную дорогу», и одновременно намекал на немецкое происхождение Бунге и то, что именно при нем русские финансы попали «в зависимость

⁹³ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. С. 91.

⁹⁴ Бадалян Д. А. Полемика о Земском соборе в русской прессе начала 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 201. Книжное дело вчера, сегодня, завтра. С. 27–36.

от берлинской биржи»⁹⁵. В итоге Вышнеградский получил министерский пост.

Последние четыре десятилетия XIX в. стали, как мы видели, временем все растущего влияния официозов. Их число и разнообразие форматов только увеличивались. При этом важнейшие учреждения власти (за исключением Третьего отделения, выполнявшего функции тайной полиции) не отказывались от использования официальных изданий, а порой боролись за них. Общественная и внутренняя политическая борьба требовала от них умения владеть различными инструментами.

И если доставшаяся нам еще от XIX и XX вв. традиция представления власти как единого, монолитного участника общественно-политической борьбы во многом изжила себя, надо признать, что изживает себя и подход, требующий любое явление в сфере общества непременно определять как либеральное, демократическое (социалистическое) или консервативное. Ведь такая перенятая у западной политической мысли классификация все чаще дает сбой. К примеру, в противостоянии Уварова и Бенкендорфа, Аксакова и Валуева или Милютина и Долгорукова кто был либералом, а кто консерватором? С помощью таких терминов сложнее всего описать именно национально ориентированные силы. Так, десятилетиями делятся споры о славнофилах — они либералы или консерваторы? А самые ярые противники еще недавно называли их реакционерами, а в XIX столетии, наоборот, — революционерами! Новые подходы неминуемо должны повлечь и новые дефиниции. И пока они не появились, нам не обойтись без двух простых терминов, которыми воспользовался Тютчев.

Глава 2. Типология открытых «Вестников» и новостей ТАСС накануне перестройки

Начало и середину 1980-х годов до объявленных М. С. Горбачевым реформ принято определять как время стагнации, пик «застоя», которым кончился период власти Л. И. Брежнева и который сохранялся в бытность генсеками Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Несмотря на попытки Андропова дать объективную оценку положения дел в экономике, касающуюся невыполненных плановых заданий

⁹⁵ *Леонов М. М.* Кампания газеты «Гражданин» в поддержку И. А. Вышнеградского // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология.* 2017. Т. 23, № 2. С. 8–11.